

Человек, приведенный Котпун

Весеннее солнце нежно греет столицу Пхеньян.

На ее центральной улице горой стоит Пхеньянский Большой театр. Под его крышей с голубыми черепицами стекается толпа людей, празднично наряженных мужчин и женщин, старых и молодых.

Вот уже несколько дней здесь идет в аншлаге концерт в рамках 31-го дружественного художественного фестиваля «Апрельская весна» по случаю Дня Солнца.

Один за другим останавливаются автобусы, из которых выходят миссии дружбы из разных стран мира. Люди, улыбаясь, пожимают друг другу руки и это еще более поднимает праздничное настроение. Среди них и артисты, знакомые по экрану, спортсмены, известные деятели политического, научного и общественного кругов и другие...

В толпе приверженцев идей чучхе я подхожу к ступеням у входа в театр.

Вдруг сзади кто-то останавливает меня, взяв меня за рукав. Оборачиваюсь и вижу главу делегации Непальского общества в поддержку политики сонгун Маника Бахадура Ламу. В чем дело?

По привычке я мигаю глазами, а он с многозначительной улыбкой показывает рукой на фреску на правой стене театра «Цветочница».

Мы с ним медленно подходим к фреске.

Ой, это же «Цветочница»!

Ведь о ней так много мы разговаривали с Маником и его товарищами вчера вечером в гостинице!

Тем не менее, я прошла равнодушно мимо этой картины...

У меня слегка покраснело лицо от угрызения совести – у них,

пришельцев из далекой страны, в душе так бережно хранится Котпун, а что у меня, которая родилась на родине Котпун?

Может быть, я вообще позабыла цену моего счастья, живя как цветок в саду в нежных объятиях социализма, защищающего меня и от холодного ветра, дождей и снегов.

Я с новым чувством поглядываю на «Цветочницу», Котпун – девушку из семьи батраков, обиденной на любой корейской деревушке в начале прошлого столетия.

И сегодня она держит в руках корзинку с цветами и будто учит людей глубокой истине – в колониальном обществе империалистов судьбы бедных людей невозможно спасти лишь искренностью или сочувствием; трудящиеся народные массы могут самостоятельно решать свои судьбы, лишь поднявшись на путь революции.

- Котпун привела меня в Пхеньян, - звучит серьезный голос Маника. Я замечаю - что-то блеснуло у его морщинистых глаз, устремленных к Котпун.

У меня в голове всплывает история, которую Маник рассказывал вчера вечером в гостинице.

- Тогда мне было 17 лет, – так начал свой рассказ Маник, а перед ним кинолентой пронеслись события его давней молодости.

...

- Пойдем смотреть корейский фильм! – звонкий голос парня, который громче петушиного крика, пронесся по утреннему воздуху маленького поселка с названием Кабул, отдаленного от Катманду на целые 50 километров.

Уже несколько дней Маник уговаривал своих товарищей поселка посетить Посольство КНДР в Катманду для просмотра

фильма. И вот настал обещанный день – воскресенье, и Маник проснулся еще до рассвета, стучал в дверь домов, выкрикивая товарищей.

Манник с низким ростом выглядел моложе своего возраста, но он своим сильным характером располагал товарищей к себе и те всегда охотно составляли ему компанию. И этим рассветом все, как солдаты по приказу, поспешно вышли из-за калиток. У всех были, хотя старенькие, но опрятные национальные костюмы белого, как снег, цвета – матери всю ночь старались – чистили, сушили и гладили. Рубашки со стоячим воротником, короткими рукавами и разрезом по нижним бокам, брюки, широкие в бедрах и узкие в голених, длинный жилет, да и головной убор круглой или овальной формы разных цветов – все это на детях смотрелось как нельзя лучше.

Одна девушка на упреки родителей, мол, зачем ей ходить с парнями, умоляла их словами «Хочу посмотреть Катманду!» и, наконец, выпросила разрешения. Она даже успела нарядиться в лучшую в доме юбочку и кофточку с короткими рукавами и поясом, надеть на голову большую косынку, закрывающую голову с плечами, украсить серьгами со стеклянными, но кажущимися настоящими, бусинами, браслетом и кольцом. Она даже подняла на ноги младшего, пока еще не отошедшего от сна, брата с гноем в уголках глаз.

В то время еще не ходили автобусы от Кабула до Катманду, и люди каждый раз, когда собирались на рынок, покидали дом еще при звездах.

Люди довольствовались лишь учебой в начальной школе, которая была единственной в поселке, еще мальчишками тащили

соху на полях. И дети таких крестьян и мечтать не могли смотреть фильм, да куда еще корейский...

По словам Маника, Корея – удивительная страна, где под мудрым руководством великого вождя все живут в равенстве, где народ стал хозяином заводов и сел и нет эксплуатации и гнета.

Молодые люди прислушивались к его словам – он, наверняка, видел и слышал больше их, ведь благодаря отцу, имеющему самую большую площадь земли в поселке Кабул, он жил без житейских забот, окончил даже гимназию, что в другом городе.

В компании Маника было целых 15 человек. Болтая друг с другом, они шли и шли по холму, за которым падали одна за другой звезды.

Со временем люди стали молчать – хотелось есть. Так как в этот день они освободились от работы, а это заставляло их почувствовать угрызение совести, и у многих были пустые карманы – не могли взять с собой даже жареные пироги из крупы кукурузы и чумизы, которыми питалась любая семья.

Кто-то вбежал в банановую плантацию у дороги, потихоньку подошел к хозяину, рано пришедшему на работу.

Непал – страна гористая, и куда ни смотришь, море террасированных кукурузных, ячменных и пшеничных полей и рисовых чек.

Во время посева, удобрения и уборки урожая люди несколько дней вообще не покидали участки в горах. Но никто не бросал земли. Наоборот, год за годом расширялась площадь полей и чек, а это неизбежно приводило к новым стихийным бедствиям.

Катманду и его окraina располагались в ущельях и котловинах и большинство семей в них выращивали тропические фрукты, как

банан, и мало кто нервно реагировал на просьбу прохожих полакомиться ими.

Маника получил разрешение хозяина, вытащил с ножны кукри (широкий и тяжелый горбатый нож), ловко срез целую кисть спелых банан и побежал к друзьям.

«Ура!» - все одновременно закричали. Что веселее времени кушать! Компания мгновенно уничтожила бананы. Плоды были большие и сладкие, но их было недостаточно для испытания 15 молодыми сытости, а достаточно для уступки друг другу.

Наконец, кампания молодых в приподнятом настроении продолжила поход. Это был поход людей, полных гордости за то, что идут на просмотр неизвестного другим корейского фильма.

Они прибыли в Катманду, когда солнце висело высоко на небе.

Хотя город был столицей, где стенами стояли здания правительства страны, но на улицах рядом с людьми свободно ходили мясистые волы, собаки и обезьяны и под ногами часто попадал секрет скотов. Девушкам этого не хотелось, и они шли с опущенными глазами, держа руками шаль.

Но их озабоченность постепенно уступала место необычным для провинциальной молодежи видам столицы как самого крупного в стране торгового центра. Кроме Маника, все были в столице первый раз.

На улице прямо у домов стояли лавки с грудami различных товаров. Говорят, их привозят из Индии через пограничный город Бирганж. Но эти товары долго не занимали молодых. Они снова испытывали голод. Здесь в городе везде столовые под разными вывесками, но банановых плантаций нет. Вкусный запах выходил с окон и дверей столовых, раздражая голодный желудок.

Но деревенским молодым туда нет дороги – нет денег.

Они старались не смотреть друг на друга, боясь выдать свою мысль.

Вдруг Маник без колебания отправился в какой-то дом и позвал к себе товарищей. Молодые бросились за ним.

- Неужели Маник хочет нас угостить?

- Спасибо, Маник.

Даже нашелся парень, который заблаговременно благодарит Маника. Маник что-то сказал хозяину и перед каждым на стол подали по тарелке острого плова с зеленью. Подергиваясь ноздрями от непривычного запаха разного аромата, молодые люди усердно подносили к губам ложки с пловом. Быстро опустошив тарелки, они положили на стол ложки, скрывая сожаление. Как нелепо надеяться насытиться за счет других!

- Спасибо за плов.

Парни наперебой поблагодарили Маника. А тот лишь улыбнулся. В отличие от утра, когда выкрикивал товарищей, он в течение всей дороги молчал, вел себя сдержанно. Наверное, поэтому не только дети, но и взрослые поселка редко возражали словам Маника.

Маник родился в семье потомственных кулаков. Его родители хотели, чтобы сын получил в наследство всю землю, оставленную предками, и занимался земледелием, но тот, будучи гимназистом, начал участвовать в социально-политической деятельности. Читал много книг, среди которых были и труды Маркса и Ленина, и книги о вожде корейского народа **Ким Ир Сене**.

Думал над тем, какой идеологией должны быть вооружены непальцы для процветания и интересов страны и нации. Ведь

Непал был лишен независимости, долгие годы живя в тисках Великобритании. Он, хоть и называется суверенным государством, но низкопоклонство и догматизм объедали дух нации везде – в политике, экономике, культуре.

Мы должны изменить себя, нет, должны найти себе место.

Кому, как не нам, суждено вновь показать миру дух пламени Горка, непальской нации, которая в далеком прошлом славилась мужеством и стойкостью и ни разу не поддавалась агрессорам!

Почему молодежь должна считать высшей честью каждый год быть отобранной охранником королевского дворца Великобритании, а не защитником своей страны?

Почему в государственных политических органах могут служить только те, которые окончили вузы не в своей стране, а в Индии, Австралии, Великобритании и США?

Маник уже не мыслил по-мальчишески.

Он стал частым гостем Посольства КНДР. Со временем начал симпатизировать идее КНДР о независимости в политике, самостоятельности в экономике и самообороне в защите страны, то есть идеям чучхе.

Ему хотелось передать свое приподнятое настроение своим друзьям, открыть им свой мир, свою душу. Ради этого он и копил карманные деньги, что давали ему родители.

Маник привел друзей в Зямсикел(название района), где находилось Посольство КНДР.

- Здравствуйте, господин советник! – сказал Маник.

Советник Посольства сразу узнал Маника, обрадовался, поднял приставленные кисти рук до груди, как это делают непальцы при поклоне, и любезно произнес:

- Намастэ! (Здравствуйте!)

Он говорил по-непальски хорошо, с отличным произношением.

Это был единственным из сотрудников Посольства КНДР, кого знал Маник. Советник с доброй улыбкой на лице пожимал руку каждому из друзей Маника как своему другу.

Их пригласили в кинозал и, как обещали, показали корейский художественный фильм «Цветочница».

Впоследствии Маник вспоминал:

«В тот день я первый раз видел Котпун (героиня фильма). Мы с друзьями смотрели фильм в слезах. А девушки даже рыдали.

Горькая жизнь семьи Котпун была очень похожа на страдания и печаль бедных крестьянских семей Непала.

Смотря фильм, я мысленно говорил Котпун:

«Котпун, ты учишь меня истине: живешь рабом у эксплуататоров – тебя ждет только смерть.

Значит, только в борьбе путь к выживанию. Да, теперь-то я понял это, Котпун! »

Думаю, тогда мы с героиней фильма Котпун были почти ровесники. Наверное, поэтому я сразу заговорил с ней на «ты».

В тот день мы вернулись домой поздно »

...

Возвращаясь домой, они со слезами на глазах пели песню из фильма.

Цветы, цветы, берите цветы!

Красивые, алые цветочки!

Нежные, свежие, душистые,

Радужные, солнечные цветы.
Я собирала, чтоб помочь
Любимой матери больной.
Кто забыл цветы!
Берите алые цветочки!

Всю дорогу их с луной сопровождала Котпун. Нет, их вела за собой облик героини: девушка, которая, в горьких слезах терпя всякие трудности и оскорбления, продает цветы; девушка, которая рыдает над матерью, умершей, не успев даже хоть один раз принять купленные, наконец, дочерью лекарства; девушка, которая, оставив одну ослепленную сестру, через далекий путь пришла к брату в тюрьму, но, услышав, что тот умер в тюрьме, падает в обморок; девушка, которая, не сдерживая гнев, бросает горящую жаровню прямо в лицо помещика...

И на склонах-косогорах
Расцвели азалии и абрикосы
Пушистые и чистые,
Словно росы.
Абрикосы и азалии
Подарить всегда спешу.
Ведь цветы их – исцеление
Для сердец и для души.

Они, поя, шагали по полю, где росы на травах мочили их штанины, а голоса их, хотя низкие, все дрожали от слез и проносились по далеким хребтам Гималаев, через холмы времени.

«Так начались наши первые шаги за Котпун, а спетая нами в ту ночь песня была песней клятвы – вслед за Котпун смело идти путем классовой борьбы.

С тех пор я, как Котпун, осознавшая революцию и вышедшая на путь новой жизни, начал путь профессиональной борьбы».

Эти искренние слова Маника сильно тронули струны моего сердца.

Тогдашний парень Маник сегодня стал дедушкой, а Котпун осталась такой же, как была!

Она вечно сохранится в памяти людей в облике девушки, держащей не корзину слез и преданности к родителям, а корзину борьбы и революции, и вчера, и сегодня, и завтра активно призывающей многих людей на осуществление дела самостоятельности, направленного на построение нового общества, где нет эксплуатации и гнета.

Я вновь посмотрела на того, которого Котпун привела с собой.

Да, невысокий мужчина с седыми волосами!

Это Маник, кто перед фреской «Цветочница» будто прислушивается к зову Котпун и, прищурив от солнца глаза, гладит рукой по своим негустым седым волосам.

Котпун привела не только его одного.

Оказывается, та девушка, которая в ту звездную ночь рука об руку с Манником шла по полю, поя песню «Покупайте цветы», стала ему женой.

И она с мужем приехала за Котпун.

За отцом и матерью последовали и их дети.

Как все они молодцы!

Я повела Маника с его сопровождающими к входу театра. И мне показалось, что всех входящих в зал, у которых разный цвет лица, привела с собой Котпун.

Мысленно я всегда буду стоять с ними перед Котпун.